

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

SOCIAL SCIENCES

Дзевенис А.А., к.ф.н., доцент, ДальГАУ
РЕАЛИСТИЧНОСТЬ ПРЕДВИДЕНИЯ

(из опыта анализа историко-философской и художественной литературы)

В статье представлены результаты анализа творчества более чем 30-ти философов, деятелей литературы, искусства и других сфер жизни. Анализ свидетельствует, что при учете позиций проводимых наша страна и всё человечество сегодня могли бы процветать и не иметь сложных проблем глобального масштаба.

Dzevenis A.A., Cand.Phil.Sci., senior lecturer, FESAU

THE REALNESS OF PREDICTION

(From experience of the historical-philosophical and fiction analysis)

In this article the results of the analysis of creativity more than 30 philosophers, literature, art and other spheres of a life figures are presented. The analysis testifies that the account of positions of prophets, our country and all mankind could prosper and escape today's global scale challenges.

В стихотворении М.Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу» есть две строки : « В небесах торжественно и чудно/ Спит земля в сиянье голубом...» - Здесь поэт увидел то, что первый космонавт Ю. Гагарин увидел из космоса собственными глазами через сто двадцать лет после лермонтовского предвидения.

Дж.Байрон в поэме «Тьма» описал страшный сон, в котором « льдистая земля кружилась слепо в воздухе безлунном». Наш ученый Н. Моисеев сделал математический расчет ядерной зимы, научно обосновав байроновскую мысль.

Задолго до Байрона, мудрые индийцы в эпосе «Махабхарата» угадали трагедию, случившуюся с жителями Хиросимы после американской ядерной бомбардировки: «Если блеск тысяч солнц разом вспыхнет на небе./ Человек станет тенью, угрозой земле». Эти слова привел Р. Оппенгеймер, отец американской атомной бомбы, после наблюдения за испытанием термояда на полигоне в штате Невада.

В.И. Ленин, в начале прошлого века, писал о возможности победы социалистической революции в одной отдельно взятой стране. Положение подтвердилось. Правда, почти в то же время другой деятель социалистического движения, Г.В. Плеханов, доказывал невозможность построения реального социализма в России. И в конечном счете оказался прав. Плеханов предупреждал, что страна будет залита кровью гражданской войны, страдания народа будут неисчислимы и дело кончится диктатурой одного властителя.¹ Кстати, М.

Бакунин, еще при жизни К. Маркса критиковал его и марксистов идеи коммунизма и диктатуры пролетариата, через завоевание, которой можно достичь коммунизма.

О диктатуре пролетариата Бакунин говорил, что на практике она окажется властью «кучки привилегированных, избранных или даже не избранных толпами народа, согнанных на выборы и никогда не знающих, зачем и кого они выбирают».² А коммунистическое государство марксистского образца «привело бы к ужаснейшей безурядице, плачевному расхищению и гнуснейшему деспотизму». В статье «Коммунизм» Бакунин писал, что коммунизм – это невыносимое принуждение, насилием сплоченное стадо животных в облике людей, преследующих исключительно материальные цели и ничего не знающих о духовной стороне жизни и о доставляемых ею высоких наслаждений.³

Поэтический гений Александра Блока еще перед революцией 1905 года поразительно пророчил:

- Все ли спокойно в народе?
- Нет, император убит.
Кто-то о новой свободе
На площадях говорит.
.....
- Кто же поставлен у власти?
- Власти не хочет народ.
Дремлют гражданские страсти:
Слышно, что кто-то идет.

«Дальше, – комментирует продолжаемое стихотворение Даниил Андреев в своем фило-

софско-литературном произведении «Роза Мира», – начинается нечто неожиданное:

- Кто ж он, народный смиритель?
-Тёмен и зол, и свиреп...
.....
Он к неизведанным безднам
Гонит людей, как стада...
Посохом гонит железным...

-Боже! Бежим от Суда!

«Но бежать было поздно. Появление этого существа было предопределено слишком давно... в русской литературе прошлого века имеется и еще одно предсказание о нем, и еще более поражающее». Д. Андреев передает, со ссылкой на М.Е. Салтыкова-Щедрина, описание воображаемого **портрета «этого существа»**.

«Это мужчина среднего роста, с каким-то деревянным лицом... как смоль **черные волосы, покрывают конический череп и плотно, как ермолка, обрамляют узкий... лоб.** Глаза... осененные несколько припухшими веками; **взгляд чистый, без колебаний; губы тонкие, бледные, опущенные подстриженной щетиной усов; челюсти развитые... с каким-то необъяснимым букетом готовности раздробить или перекусить пополам... одет в военного покроя сюртук, застегнутый на все пуговицы».**

Читаешь, замечает Андреев, и вздрагиваешь. Что это? Когда и о ком написано? Написано в 60-х годах XIX века. Но почему же такое невероятное совпадение с обликом слишком уж памятным нашему поколению? («Роза Мира» создана в 1947-1957 годах, опубликована в 1991 году) «Он не был ни технолог, ни инженер, - продолжает Салтыков-Щедрин про своего героя Угрюм-Бурчеева; но он был твердой души прохвост, а это тоже своего рода сила, обладая которой можно покорить мир». Жители города Глупова по воле своего градоначальника гуськом шли друг за другом, застегнутые, выстриженные, однообразным шагом, в однообразных одеждах. «Город приник; в воздухе чувствовалась спертость и духота. Он еще не сделал никаких распоряжений, не высказал никаких мыслей, никому не сообщил своих планов, а все уже понимали, что пришел конец».

Угрюм-Бурчеев согнал всех глуповцев на бессмысленную и слепую борьбу с природой – строительство абсурдной плотины на реке. Замыслы диктатора потерпели крах. Тогда «преобразователь» решил построить мечтаемый город Непреклонск на новом месте, на ровной, как скатерть, низине. Наконец его сморило и

он заснул с топором в руке. «Изнуренные, обруганные и уничтоженные, глуповцы... в первый раз вздохнули свободно...взглянули друг на друга – и вдруг устыдились... чувствовали, что воздух наполнен сквернословием и что далее дышать в этом воздухе невозможно. Была ли у них история, были ли в этой истории моменты, когда они имели возможность проявить свою самостоятельность? – ничего они не помнили... груди захлестывало кровью, лица судорожно искривляло гневом при воспоминании о бесславном идиоте, который с топором в руке пришел неведомо откуда и с неисповедимой наглостью изрек смертный приговор прошедшему, настоящему и будущему...»

Андреев пишет : удивительно, что великий сатирик Салтыков-Щедрин отталкиваясь от конкретных исторических фигур прошлого – Бирона, Павла I, Аракчеева, Николая I – фигура гораздо меньшего масштаба претворил в своем творении исполинскую фигуру будущего, которая роднила ее с российскими деспотами прошлого. Взглядывание мыслителя в типичные образы отечественной истории и в ее тенденции привело его к пророчеству о том, что тираническая тенденция, проявлявшаяся в вышеназванных деспотах достигнет своей кульминации лишь в грядущем. И тогда появится на вершинах власти тот, на одну из существеннейших сторон которого Угрюм-Бурчеев похож больше, чем на любого из его предтеч.

«Передовое место в истории Россия заняла с той минуты, когда внутри неё к власти пришла – впервые в мире – интернациональная Доктрина. Россия стала первой страной, вооруженной такой идеологией, какая могла бы, в принципе, распространиться на все страны земного шара... в Доктрине был заложен такой импульс к рассмотрению, который предполагал своим пределом именно только границы планеты».

«Ленин был интернационалистом не на словах, а на деле. Он во многом был осуществителем темной миссии, но он глубоко верил в то, что его деятельность направлена на благо человечества.

Другая природа и другое предсуществование второго вождя, Сталина, определяли и совершенно другой его характер... Ленин трудился ради мировой революции, которая стоила бы жизни, вероятно, миллиону человек. Но...пожертвовать для спасения своего, никем и ничем не благословенного, престола по крайней мере десятью миллионами российских солдат, а потом посадить за проволочную изгородь одну пятую часть населения страны и при этом быть готовым на превращение в лун-

ный ландшафт её прекраснейших городов и самых цветущих областей ради химеры распространения своего владычества на всю планету нет, на такие деяния не отважился бы...никто, в чьих жилах течет та же кровь, что и проливаемая кровь народа...для всего этого нужно было обладать гениальностью. Гениальностью особой, специфической: темной гениальностью тиранства.

Гениальность же тиранствования слагается в основном из двух сил: величайшей силы самоутверждения и величайшей жесткости».⁴

Мысли о предвидении будущего России и человечества замечательными отечественными философами и литераторами можно продолжить. Так, Ф.М. Достоевский видел спасение мира в красоте.⁵ Л.Н. Толстой предупреждал, что если в российском обществе рухнет вера, оно на долгие годы превратится в царство денег, водки и разврата. А еще раньше юный Лермонтов в стихотворении «Предсказание» написал:

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь
И пища многих будет смерть и кровь...

Александр III говорил и завещал своему сыну Николаю, будущему императору: «Самодержавие создало историческую индивидуальность России. Рухнет самодержавие, не дай Бог, тогда с ним рухнет Россия. Падение истинной русской власти откроет бесконечную эру смут и кровавых междоусобиц... в политике внешней держись независимой позиции... избегай войн. В политике внутренней – прежде всего покровительствуй Церкви. Она не раз спасала Россию в години бед. Укрепляй семью, потому что она основа всякого государства».⁶

Вернемся к провидчеству Достоевского. В его романе «Бесы» один из героев рассуждает: «...Как мир ни лечи, все не вылечишь, а срезав радикально сто миллионов голов и тем более облегчив себя, можно вернее перескочить через канавку. Мысль прекрасная... На Россию – то теперь и надеются... как на страну, наиболее способную к исполнению великой задачи».⁷

В 1877 году Достоевский в «Дневнике писателя» скажет: «Не будет у России таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только Россия их освободит, а Европа согласится признать освобожденными!... начнут же они по освобождению свою новую жизнь именно с того, что выпросят себе у Европы...

ручательство и покровительство их свободе, и хоть в концерте европейских держав будет и Россия, но они именно в защиту от *России* это и сделают... Долго, о долго еще они не в состоянии будут признать бескорыстия России и великого, святого, не слыханного в мире подвигу ею знамени величайшей идеи, из тех идей, которыми жив человек и без которых человечество, если эти идеи перестанут жить в нем, - коченеет, калечится и умирает в язвах и бессилии...»⁸

В истории философии утвердилось мнение о В.С. Соловьеве, как предсказателе. Говоря, что Церковь запятнала себя фанатизмом и подчинением государству, Соловьев предвидел время, когда христиане

будут собираться на молитву в катакомбах, потому что вера будет гонима (это сбылось в нашем Отечестве уже через два десятилетия). Предвидел Холокост. Не сбылось бы и его предсказание о грядущем покорении России и Европы Китаем и Японией.⁹

В связи с Соловьевым имеет смысл сказать об одном его размышлении относительно А.С. Пушкина и – одновременно с этим – о роковом предвидении самого Пушкина. Соловьев, задумываясь о том, что было бы, убей Пушкин Дантеса, пишет: смерть противника для Пушкина была бы «жизненной катастрофой», после которой он не смог бы писать, а жил бы только для дела личного существования.

В этом смысле Пушкину, можно сказать, повезло - убили его. К тому же погиб он не мгновенно, судьба даровала ему еще три дня для того, чтоб «мыслить и страдать».

Пушкин, осуществившись как гений, «уперся в Христа». Теперь, чтобы стать христианином, лично ему нужна была только смерть. И он себе ее организовал.

Смерть, кроме того, не оставляла ни одного шанса пошлости, которая, как он чувствовал, могла произойти. «Смерть обнаружила характер Пушкина, все, что было в нем доброго и прекрасного», - писал Вяземский.¹⁰

«...Что выражалось на лице его, - свидетельствовал об умершем Пушкине В.А. Жуковский, - я сказать не умею, что-то похожее на видение, на какое-то полное, важное, удовлетворенное знание». Отец Петр Песоцкий, исповедовавший поэта, признавался: «Вы можете мне не поверить, но я скажу, что я для самого себя желаю такого конца, какой он имел». А ведь это сказал священник, *старый* человек.

С царем Пушкину тоже повезло. «О жене и детях не беспокойся, - писал Николай I в своей записке Пушкину, - ...я беру их на свое попечение».

В предсмертный день Пушкин не просто мучился, а, как бабочка из кокона, возрождался в новую жизнь.

Пушкин является для нас не только поэтом – классиком, создателем (наряду с Н.М. Карамзиным) русского литературного языка, но и образцом нравственности. Через Пушкина, по слову А.Н. Островского, «умнеет все, что только способно поумнеть». Русский философ И.А. Ильин пишет о великом провидческом, светоносном даре поэта: Пушкин «дан был нам для того, чтобы создать *солнечный центр* нашей истории».¹¹

Если именно «совесть – вот что внесла Россия в мировое сознание» (Г. В. Свиридов), то тогда есть в ней нечто, что одному уму не поддается, во что «можно только верить». Особенно в кризисные для России времена. Высокоодаренной, духовно сильной личностью и пророком назвал И.А. Ильина современный немецкий философ Вольфганг Офферманс. Ильиным даны ответы на фундаментальные вопросы Бытия. «Профессиональные революционеры» («бесы», по Достоевскому), вставшие во главе России, – утверждает Ильин, – на протяжении многих десятилетий подготавливали, а затем осуществляли революцию. Они же подменили идею справедливости «химерой всеобщего равенства». Подобным бесовским духом проникнута и другая ложная идея – недуховной свободы – «свободы безбожия... свободы от совести, от ответственности, от духа, от вкуса, от правосознания. Свобода стала разнузданностью в правах, бесформенностью в искусстве, тоталитарностью в политике (свобода власти и произвола)».

По мысли Ильина, российский кризис XX века – это прежде всего кризис духовный. Для его преодоления необходимы духовные силы. Они обретаются через познание истории своего Отечества, в которой нужно видеть историю борьбы народов за самобытный собственный духовный лик. Русский человек если хочет образумить ближнего своего, укоряет: «Бога в тебе нет! Побойся бога!». В духовном достоинстве залог грядущего возрождения России.

В конце 40-х - начале 50-х годов¹² Ильин утверждал, что большевизм с неизбежностью рухнет. Будущее российского общества – за демократией. Но демократия есть народоправство. Править должны лучшие, из специально подготовленных и обученных людей. Здесь не место для авантюристов, хамов, выскочек типа «профессиональных революционеров». В этой позиции Ильин перекликается с Л. Толстым, который в 1905 году предупреждал революционеров: если к власти допустить «низменные элементы», то по прошествии нескольких

десятилетий править будут уголовные элементы. Под низменными элементами Толстой подразумевал не «бомжей» или простой народ, а людей без происхождения, то есть без традиций духовности. Годы советской власти показали, что духовность в одном поколении, духовность, насаждаемая государством, не закрепляется. В капиталистических странах Европы, где низменные элементы «не приходили к власти столь абсолютно, как у нас, замыкают иерархическую лестницу деклассированные элементы и мафия. В сегодняшней России все наоборот; вверху – мафия, в низу – остатки культуры.

Народ должен быть подготовлен к демократическому образу жизни и демократической форме правления, иначе все расплывется «в хлябь и в грязь». Демократия должна опираться на чувство государственной ответственности у народа, его честность, широкий государственно – политический кругозор. Таковы духовные основы демократии. К ее социальным основам относится оседлость жилища, крепость семьи, уважение к труду, частная собственность.

Будущей России, замечает мыслитель, предстоит сделать выбор – между свободным человеком и рабом, между воспитанием народа и свободной ответственности духа и тоталитарным террором. Россия должна строиться не страхом, а любовью, не классовым произволом, а правом и справедливостью, не тоталитарностью, а свободой.

«Мы должны строить себя заново: внутренне, духовно... Мы в кресте крестились, но во Христа не облакались ... России нужны свободные умы, зоркие люди и новые, религиозно укорененные творческие идеи... Нам придется пересматривать и обновлять все основы в нашей культуре... Воспитать в народе новый русский характер... Народу предстоит встать из своего долгого унижения: покаяться в своих соблазнах и своем падении... вновь утвердить свой национальный духовный лик и заткать новую ткань для своей жизни. Это будет делом нескольких поколений, но оно будет осуществлено и достигнуто».

Актуально положение о федеративном политическом устройстве. «... Право на односторонний выход из государства или право на отложение и отпадение – не признано нигде, о нем не знает ни одна демократическая конституция...». Федеративное устройство является своеобразной корпорацией, но включение лишних элементов в ее систему усложняет ее управление до полной неуправляемости. Именно о лишних «суверенитетах» и «президентах» в федерации говорил Ильин: «Политические амебы, кочевые пустыни, фиктивные

«якобы – государства», вечно мятущиеся и политически взрывающиеся общины не могут федерироваться: эти величины бесформенные, безответственные, невменяемые, не способные «ни заключить государственный договор, ни соблудности его». Такие национальные образования подлежат не федерации, а «культурной оккупации и государственному упорядочиванию».

Быть русским, по Ильину, значит воспринимать Россию сердцем, любить ее душой, видеть ее самобытность и понимать, что это дар Божий. Быть русским – значит «верить в Россию так, как верили в нее все великие люди, все ее гении и строители». Только на этой вере и может состояться успешная борьба за ее Возрождение.

Поражают реалистичностью следующие два прогноза Ильина. Первый из области внутривнутриполитической, когда он предупреждал: «Если что-нибудь может нанести России после коммунизма новые, тягчайшие удары, то именно упорные попытки водворить в ней после тоталитарной тирании демократический строй. Ибо эта тирания успела подорвать в России все необходимые предпосылки демократии..., без которых возможно только буйство черни, всеобщая подкупность и продажность и всплывание на поверхность все новых и новых антикоммунистических тиранов...». Так и случилось почти на всем постсоветском пространстве.

Другой пример касается внешнеполитической области. Ильин делает акцент на том, что посткоммунистическое расчленение России «явилось бы невиданной еще в истории политической авантюрой, гибельные последствия которой человечество понесло бы на долгие времена..., в нашу эпоху в этот процесс будет втянута вся вселенная». В этом случае возникнет «до двадцати отдельных государств», не имеющих ни бесспорной территории, ни авторитетных правительств, ни законов, ни суда, ни армии, ни бесспорного национального населения... И в эти водовороты сепаратистской анархии хлынет человеческая порочность: вышколенные революцией авантюристы под новыми фамилиями, наймиты соседних держав, иностранные искатели приключений... «Не умно это, - подводит итог Ильин. Недалековидно. Торопливо в ненависти и безнадёжности на века. Россия – не человеческая пыль и не хаос. Она есть, прежде всего, великий народ... не хороните его преждевременно. Придет исторический час, он восстанет из мнимого гроба и потребует назад свои права!»¹³

Многое из прогнозируемого Ильиным сбылось. Советского Союза больше нет. Прав-

да, возникло не двадцать, а пятнадцать отдельных государств, но процесс – то еще не завершился.

А. Солженицын в статьях 1973 года «Раскаяние и самоограничение как категория национальной жизни», «Жить не по лжи» и других, в «Письме вождям Советского Союза» предрекал крах социализма. Обосновывал его нравственную и экономическую несостоятельность, отстаивал религиозные, национальные и классические либеральные ценности. Эти темы, как и критика современного западного общества, призыв к личной и общественной ответственности развиты в публицистике периода изгнания из СССР (1974-1994 гг.) – «Как нам обустроить Россию?», «Русский вопрос к концу XX века».

После высылки из нашей страны, Солженицын какое-то время жил у другого Нобелевского лауреата, Г. Бёлля, сказавшего о нем: «Солженицын совершил переворот в сознании. Он разоблачил не только ту систему, которая сделала его изгнанником, но и ту, куда он изгнан».

«Эксперимент с построением государственного социализма, – пишет В. Дёмин, – завершился тем, чем он только мог завершиться: «бюрократическая машина» и ее уродливый придаток – колоссальный и исключительно непродуктивный идеологический, психологический цензурный пресс, не говоря уж о прочих чисто репрессивных процедурах, - заржавели и перестали эффективно выполнять традиционные функции. Зато в геометрической прогрессии увеличивалась армия сначала советских, а затем и постсоветских чиновников, прокормить коих не способно ни одно нормальное государство. Они сами, как саранча, могут сожрать кого угодно. Новая административная, партийная, профсоюзная, научная, военная и прочая номенклатура – не что иное, как многоглавая гидра, умеющая приспосабливаться к каким угодно новым реалиям и оправдывать собственное существование правильными на первый взгляд лозунгами, за коими, однако нет ничего, кроме обмана. Чинодралы любых мастей – непреодолимый тормоз на пути всякого развития, они душат хозяйственное процветание, останавливают движение вперед, превращают здоровый общественный организм в неизлечимо больной. Сначала они устраивают себе все новые и новые привилегии. Затем бюрократическая ржавчина разъедает «государственную машину» изнутри, приводя ее к параличу. На месте одного монстра рождается другой, еще более ужасный, ненасытный и бесперспективный».¹⁴

Реализованная в России и ряде стран Восточной Европы марксистская модель револю-

ции не смогла полностью подтвердить тезиса о государственном социализме и коммунизме как высших и закономерных этапах в естественно – историческом процессе развития общества. Напротив, это капитализм лишней раз подтвердил свою «естественность», опирающуюся на частнособственнический инстинкт, почти автоматически возрождающийся в каждом новом поколении, как Феникс из пепла. В результате именно капитализм не только не сошел с дорожки цивилизационного развития, но и обрёл второе дыхание в бывших странах «победившего социализма».¹⁵

А первое в мире социалистическое государство СССР – наследник тысячелетней Российской империи, просуществовав неполных 74 года, вопреки догмам «научного коммунизма», в одночасье рухнул сам собой, подобно картонному домику. Это произошло на глазах изумленных теоретиков и практиков «социалистического строительства», а также властителей и простолодинов, партийных и беспартийных, ученых мужей и простецов. И не нашлось силы, могущей воспрепятствовать этому трагическому, но, как оказалось, неизбежному концу. Запланированной к 80-м годам XX столетия победы коммунизма, торжественно провозглашенной в программе КПСС, так и не произошло. Вразумительных теоретических объяснений этому факту дано не было и практических выводов не сделано. Неудивительно, что партия, отказывающаяся отвечать по собственным обязательствам, быстро утратила доверие народа.

Видимо, всеобщее процветание и благоденствие возможны, но только на гуманистической, эгалитарной и коллективистской основе. Свобода без социализма – это привилегия и несправедливость, а социализм без свободы – это рабство и животное состояние.¹⁶

Нельзя на месте одного командно – бюрократического монстра создавать другой, а действительную социальную справедливость заменять ее суррогатами, да еще и в неопределенно далеком и, по существу, недостижимом будущем. «Переходный период» необходим. Но он не может быть продолжительным и должен укладываться в неполную жизнь одного поколения. Ибо для каждого из следующих за ним неизбежно будет свой «переходный период» и все придется начинать сначала.

Нужно все силы бросить на то, чтобы создать такие условия человеческого общежития, при которых у людей не возникало бы стремления к неблагоприятным деяниям, а реальные общественные отношения превратились бы в образец подлинной гармонии, взаимопомощи и товарищества. «Необходимо понять, что без широчайшей, полной и всесторонней свободы

личности и общества подлинный социальный прогресс невозможен ни в настоящем, ни в будущем».¹⁷

Особо стоит сказать о нравственно-духовной стороне жизни общества. На данный счет примечательны размышления В.Распутина. Они, продолжая линию Достоевского, касаются всего современного человечества. В рассказе «В непогоду» Распутин пишет: «Римскую империю, самую могущественную в древности, окованную железной организацией войска и разумной в законе и праве организацией государства, громогласную и сказочно богатую, развалили в короткое время праздность и разврат».

Далее у Распутина следует. По большим праздникам ликует вся планета. Миллионные толпы собираются на площадях, миллионноустый восторг оглашает за десятки километров окрестности, когда салютующие пушки выбрасывают высоко в небо феерию разноцветных огней, а вослед им грохочут тысячекратные усилители нашей громобойной музыки, гремят петарды и хлопушки, на подмостках сцены бьются перед микрофонами в истерике исполнители художественного крика, что-то кричат и подпрыгивают на плечах отцов и матерей младенцы... После футбольных матчей болельщики, - и огорченные поражением, и обрадованные победой, с одинаковой страстью принимают крушить всё, что попадает под руки.

«Свободное» искусство вываливает «свободную» любовь, вплоть до «свального греха», одновременно на десятки и сотни миллионов телезрителей.

Театр тоже не отстаёт: «вживе» и «на глазах» в исполнении любимых актёров эротические сцены вздымают в поклонниках искусства особенно возвышенные чувства.

Писатели, обойдя в разные литературные эпохи поля сражений и дворянские гнёзда, аристократические гостиные и захудалые ночлежки, громкие стройки и тихие деревни, устремились теперь в морги и отхожие места. А где неприличие и непогрешество, срам и бесстыдство, там и небывалая жестокость с неслыханными жертвами. Всесветное «торжище зла», гульбище низких страстей и истин, сбродище нечестивцев. И печаль, и усталость, тяжёлые вздохи сопротивляющихся, отступающих...

Мы выбираем свою судьбу сами. Если бы человек собирался жить долго и совершенствоваться, разве бросился бы он сломя голову в этот грязный омут? Он должен был помнить об участии Содомы и Гоморры.

Мы же уподобляемся древним римлянам. И поступаем не в пример, скажем, диким пле-

менам в сегодняшнем Никарагуа. Они восстали против игрушек в виде мутантов, против нечисти, рычащей с экранов, против изображений злых духов. «Мы не позволим околдовать наших детей», - заявили негры.

А мы? Утратив подлинные ценности, современное искусство, по слову Л. Григорьевой, не открывает ничего нового, а откатывается во времена язычества. Но если далекие от цивилизации племена сохраняют ориентацию между добром и злом, то завуалированное неоязычество смыкает все грехи. Равновесие нарушается. Гармония миропорядка, которая строится на утверждении «благостного» и осуждении «злого» подменяется технологией распада. Вместо красоты утверждается произвол, осуждение которого негласно запрещается. В этой провозглашенной «свободе» настоящее искусство сталкивается с деспотизмом, призванным оправдать и утвердить лютую мерзость.

Противостоять распаду становится все труднее. На сцене Александрийского театра режиссер В. Фокин поставил «Ревизора», где Хлестаков превращен в бандита и на глазах зрителей насилует дочь и жену Городничего. Такое глумление над классиком можно назвать «новым взглядом», «творческим поиском», только это не изменит его развращающей сути. Зрителей лишают чувства собственного достоинства. Малодушные прячутся под маской смирения, а предательство предлагают называть терпимостью.

Искусство распада не так бессмысленно, как может показаться. Оно призвано взрастить поколение сытых рабов, выращенных на бройлерах, синтетическом корме и «одесских» куплетах. «Тайна вырождения» вступает в действие, когда человек «уничтожает иерархию внутри себя» (Э. Юлиус). Внутренний духовный мир утрачивает порядок, лишается смысла. Следствие этого – начинается уничтожение порядка во внешнем мире.

Выход есть. Г. Свиридов сказал: «Мудрость жизни заключается в том, что новые поколения приходят в мир чистыми». Мир постоянно обновляется. Законы мироздания – залог конечного торжества гармонии и красоты – невозможно разрушить даже самой наглой и бесстыдной ложью. От людей требуется совсем немного: сформировать желаемую реальность, сделать выбор и оставаться верным самим себе.¹⁸

«...Лишь история человечества в целом может дать масштаб осмысления того, что происходит в настоящее время» (К. Ясперс).

¹ Спиркин А.Г. Философия: Учебник. – М.: Гардарики, 1998. – С. 547

² Цит. по: Безелянский Ю. Герой. Бунтарь. Монархист Михаил Бакунин // Наука и жизнь. – 2009.-№2.-С. 12

³ См. Там же. С.8. Приведём и мысль Бакунина о реформах в России: « В этом организме невозможны никакие реформы». (Позднее О. Уайльд скажет: « В России возможно все. Кроме реформ»). И как следствие всего – «бесконечное озлобление народа» против бюрократии, дворянства, чиновничества.

⁴ Андреев Д.Л. Роза Мира. – М.: « Мир Урании», 2006.-С. 460, 464-471.

⁵ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. Т.8. Идиот. Т.10. Бесы – Л.: Наука, 1973.

⁶ Ден Л. Подлинная царица. Воррес И. Последняя велика княгиня: воспоминания / Пер. с английского.- м.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998 –С. 215

⁷ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. Т.10. С.314 – Л.: Наука, 1973

⁸ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. Т.26. С.78-79 – Л.: Наука, 1973

⁹ Дзевенис А.А. Основы философии: учебное пособие.- Благовещенск: Изд-во ДальГАУ, 2005. – С.100

¹⁰ Литература в школе. Научно-методический журнал.-2007. №10. с.-17 (Не по той ли причине и М.Ю. Лермонтов не стрелял в своих противниках на дуэлях?)

¹¹ Ильин И.А. Пророческое произведение Пушкина. Цит. по: Литература в школе.-2007.-№10.-С.17

¹² Ильин И.А. Наши задачи. Избранные статьи (1948-1954гг)// Юность.-1990.-№8.-С.62-71.

¹³ Журнал «Наука и жизнь». -2007-№ 10.-С. 34-35

¹⁴ Демин В.Н. Бакунин. – М.: Молодая гвардия, 2006. – С.339.

¹⁵ Там же. С. 340

¹⁶ Там же. С. 340-341

¹⁷ Там же. С. 342

¹⁸ Григорьева Л. Война в искусстве //Природа и человек. – 2009. №4.- С. 15-17.